

«Мы не изменим своё отношение к вам, пока вы не измените своё отношение к нам». Как в Вашингтоне учитывали реакцию западноевропейских компартий на события в Афганистане, 1978–1985

В.Т. Юнгблюд, М.В. Бакшаев

Вятский государственный университет

Ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан в конце 1979 г. вызвал неоднозначную реакцию среди коммунистических партий Европы. Некоторые из них подвергли действия руководства СССР острой критике. В статье выясняется, насколько администрация США была осведомлена о критических выпадах в адрес СССР и КПСС со стороны сильнейших западноевропейских компартий, как фактор еврокоммунизма влиял на афганский вектор политики США в 1979–1982 гг., и чем американский курс обернулся для самих компартий. Исследование основано на опубликованных документах (в том числе из электронных коллекций) администрации президента США Дж. Картера, Государственного департамента и Центрального разведывательного управления США, а также неопубликованных документах ЦК КПСС из фондов Российского государственного архива новейшей истории, материалах прессы и мемуарах. Обоснованы выводы о том, что 1) ввод советских военных подразделений в Афганистан спровоцировал ожесточённую схватку сверхдержав на периферии холодной войны, достигнувшей в итоге своего пика; 2) одним из результатов советской операции стало углубление раскола в мировом коммунистическом движении с его последующим упадком; 3) Соединённые Штаты стремились воспользоваться обострившимися разногласиями между Коммунистической партией Советского Союза и крупнейшими компартиями Западной Европы (особенно – итальянской, в меньшей степени – испанской и французской) и поощряли действия еврокоммунистов, направленные на дистанцирование от КПСС и разрыв отношений с СССР. В то же время в Вашингтоне избегали публичных заявлений и действий, которые могли выглядеть как проявление солидарности с компартиями Западной Европы (в первую очередь с ИКП), в том числе и в вопросах отношения к политике СССР в Афганистане, отдавая приоритет курсу на полное исключение возможности участия коммунистов в правительствах государств НАТО. Такая политика на фоне продолжавшейся войны в Афганистане и падения международного престижа СССР способствовала изоляции еврокоммунистических партий в своих странах и ослаблению их электоральных возможностей.

УДК: 327, 94, 329.15

Поступила в редакцию: 15.05.2022

Принята к публикации: 27.08.2022

Ключевые слова: американо-советские отношения, война в Афганистане, интернационализация локальных конфликтов, периферия холодной войны, еврокоммунизм, Брежнев, Бжезинский, Берлингуэр, Каррильо, Марше, Картер

25 декабря 1979 г. СССР ввёл ограниченный контингент своих войск на территорию Афганистана. Действия СССР осудили не только США и их союзники, но также многие традиционные сторонники Москвы из числа неприсоединившихся государств и некоторые крупнейшие коммунистические партии Западной Европы. События в Афганистане стали серьёзным вызовом для мирового коммунистического движения (МКД), безусловным лидером которого считалась Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС). Критические выпады отдельных «братских партий» в адрес КПСС открывали руководству США возможности для влияния на процесс фрагментации МКД.

Цель настоящей статьи – установить степень осведомлённости американской администрации об отношении крупнейших коммунистических партий Западной Европы к операции СССР в Афганистане и определить, каким образом раскол в МКД влиял на корректировку политической стратегии Вашингтона как в отношении СССР, так и в отношении союзников по НАТО. Исследование основано на оцифрованных и опубликованных документах Белого дома, Государственного департамента и Центрального разведывательного управления США; неопубликованных документах ЦК КПСС из фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), а также периодической печати и мемуарах.

Научная литература, посвящённая событиям в Афганистане 1979–1989 гг., обширна. Выводы историков нередко носят дискуссионный характер и неоднозначно трактуют известные факты и обстоятельства принятия важных решений руководителями США и СССР, а также их действий.

Военно-политическому присутствию СССР в Афганистане, деятельности НДПА и армии Афганистана посвящены работы В.С. Христофорова, М.Ф. Слинкина, В.Г. Коргуна (Христофоров 2016; Слинкин 1999; Коргун 2004). Политика США в Афганистане в период после Второй мировой войны до конца XX в. разбирается в монографии М.Р. Аруновой, в которой подчёркнуто желание американской политической элиты использовать Афганистан как арену для борьбы с СССР (Арунова 2000). В.Н. Спольников изучил афганскую оппозицию, её становление, цели и методы, программные установки, взгляды на политическое будущее Афганистана, источники финансирования, этапы борьбы с ограниченным контингентом советских войск и афганской армией, отношения с США, Пакистаном и другими зарубежными странами (Спольников 1990). Проблему предоставления Вашингтоном военной помощи афганским моджахе-

дам исследовали Т.В. Рабуш¹, А.В. Чернышков², Дж. Крайл, Р. Кларк (Рабуш 2017; Крайл 2008; Clarke 2004). Т.А. Воробьёва и В.Т. Юнгблюд опубликовали работу о политике США и СССР в отношении Афганистана в 1978–1979 гг. (Воробьёва, Юнгблюд 2016).

В зарубежной историографии имеются труды, посвящённые отношению еврокоммунистических партий к событиям в Афганистане. Различия в подходах Итальянской и Французской компартий к оценке военного вмешательства СССР в дела Афганистана и особенности их взаимоотношений с КПСС в конце 1970-х – начале 1980-х гг. рассматривал С. Понса (Pons 2006; Pons 2010). Этот историк полагал, что после ввода советских войск ИКП активизировала отношения с организациями и странами за пределами советского блока, включая враждебные Москве силы. Он акцентировал сближение ИКП с Китаем, некоторыми странами Третьего мира и социал-демократическими партиями Европы, но оставил в стороне США, чьи дипломаты контактировали с итальянскими коммунистами и пытались воздействовать на них.

Р. Порталани, наоборот, изучал нюансы выработки стратегии США в отношении еврокоммунизма, не фокусируясь на событиях вокруг Афганистана³.

О том, что фактор еврокоммунизма учитывался в американской внешней политике, говорится в ряде работ зарубежных авторов (Gelman 1984; Garthoff 1985; Gibbs 2006; Graebner, Burns, Siracusa 2010; Pons 2010; Vaïsse 2018), однако данный аспект истории международных отношений отдельно ими не исследовался. В наши дни обращение к этой теме представляется актуальным не только из-за событий на Украине и развернувшихся на их фоне информационных и дипломатических коллизий, но и в связи с нынешним этапом развития европейской интеграции и формирования нового мирового порядка.

Обстоятельства ввода в Афганистан ограниченного контингента советских войск

В конце апреля 1978 г. в Афганистане произошла смена власти. В результате Саурской революции была провозглашена демократическая республика, контроль над страной установила Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Новый режим провозгласил курс на построение социализма.

¹ Рабуш Т.В. 2011. *Противостояние США и Советского Союза в Афганистане (1978–1985 гг.)*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.15 – «История международных отношений и внешней политики». Санкт-Петербург. 206 с.

² Чернышков А.В. 2014. *Политика Соединённых Штатов Америки в Афганистане от Саурской революции до окончания первого президентского срока Б. Обамы*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.15 – «История международных отношений и внешней политики». Волгоград. 219 с.

³ Portolani R.D. 2013/14. *Stati Uniti e L'Eurocomunismo, 1976-1980*. Dottorato di Ricerca in Storia Politica, Economica e Sociale Dell'Europa in Eta Contemporanea. Universita Degli Studi Di Roma «Tor Vergata». 411 p.

Основанная в 1965 г. НДПА имела ряд особенностей. Её ударным отрядом являлся офицерский корпус, сама же партия не была массовой; более того, в ней противостояли друг другу фракции «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»). НДПА не надо было изгонять колониальную администрацию и начинать курс на сближение с СССР, поскольку Афганистан не был колонией, а дореволюционное правительство М. Дауда солидаризировалось с Движением неприсоединения и имело отлаженные отношения с Москвой.

Основной массе населения Афганистана были присущи «этническая психология, высокий уровень религиозности при низком уровне грамотности, идея независимости и объединённого сопротивления общему врагу, т.е. джихада против неверных» (Воробьёва, Юнгблюд 2016: 115), вследствие чего новая власть сразу столкнулась с ростом протестных настроений и повсеместным бойкотированием инициированных ею реформ в аграрной, образовательной и религиозной сферах. В стране возникла вооружённая оппозиция, в которой заметную роль играли исламские силы (Слинкин 1999: 82, 115).

По прошествии года после Саурской революции аналитики ЦРУ констатировали, что левый режим в Афганистане слаб и существует во многом благодаря экономической и военной помощи СССР⁴. Восстание в провинции Герат в марте 1979 г. и последовавшая за ним гражданская война показали, что официальные власти не могут собственными силами стабилизировать ситуацию и удержать контроль над страной, поэтому премьер-министр Афганистана Н.М. Тараки обратился к председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину с просьбой отправить в Афганистан советские войска. В СССР видели возможные угрозы эскалации и изначально считали неприемлемой перспективу прямого участия в военном конфликте. На заседании Политбюро ЦК КПСС 18 марта председатель КГБ Ю.В. Андропов высказал категоричные возражения против удовлетворения просьбы афганских «товарищей»: «Для нас совершенно ясно, что Афганистан не подготовлен к тому, чтобы сейчас решать вопросы по-социалистически. Там огромное засилье религии, почти сплошная неграмотность сельского населения, отсталость экономики и т.д. Мы знаем учение Ленина о революционной ситуации. О какой ситуации может идти речь в Афганистане, там нет такой ситуации. Поэтому я считаю, что мы можем удержать революцию в Афганистане только с помощью своих штыков, а это совершенно недопустимо для нас. Мы не можем пойти на такой риск». Дополнительные аргументы в поддержку этой позиции высказал министр иностранных дел А.А. Громыко⁵ (Haslam 2011: 321–

⁴ Afghanistan: Prospects for the Insurgents. Paper Prepared in the Central Intelligence Agency. April 12, 1979. *Foreign Relations of the United States* (далее – FRUS). 1977-1980. Vol. XII. P. 151.

⁵ Особая папка. Часть I. Секретные документы по Афганистану накануне ввода советских войск. Договора, стенограммы межправительственных переговоров, просьбы Правительства ДРА о помощи советскими войсками, донесения военных советников и специалистов из Афганистана, решения Политбюро ЦК КПСС. Стенограмма заседания Политбюро ЦК КПСС 18 марта 1979 г. URL: https://studylib.ru/doc/2572659/chast_-i-sekretnye-dokumenty-po-afganistanu-nakanune-vvoda (31.07.2022). (дата обращения: 05.07.2022)

322). Тем не менее последующие события развивались по неблагоприятному для СССР сценарию всё более масштабного вовлечения в конфликт.

В случае с Афганистаном Кремль фактически стал заложником сложившегося в течение 1970-х гг. образа безусловного друга и заступника стран Третьего мира, готового в любой момент предоставить военную помощь. Соображениям престижа в Москве придавали большое значение. К этому обязывала роль лидера мировой системы социализма, способного защитить своих сторонников за рубежом. По словам английского историка Д. Хэслэма, «Москва чувствовала себя зависимой от своего своенравного протеже. Несмотря на "очевидную наивность афганских друзей" и отсутствие у Кабула ясной концепции того, "как практически претворить в жизнь их марксистско-ленинские цели", отказать в помощи им было нельзя» (Haslam 2011: 321).

В США знали об этой особенности внешнеполитического мышления советского руководства и считали, что она ставит СССР в уязвимое положение (Gibbs 2006: 239, 263). В конце сентября 1979 г. в обзорном межведомственном меморандуме разведки отмечалось, что «перспективы успеха коммунистического правительства в Афганистане для Москвы имеют большое значение по идеологическим причинам – такое правительство станет фактическим подтверждением детерминистских заявлений о том, что "социализм" и в самом деле победоносно наступает. Советы считают, что обязаны поддерживать подобные революции и чувствуют замешательство, когда они терпят неудачу. Результат приобретает дополнительную важность в связи с тем, что революция происходит в стране, граничащей с СССР»⁶.

Решение о вводе войск, принятое в Москве после восьмимесячных – с момента просьбы Тараки – колебаний, серьёзно отличалось от иных случаев участия СССР в локальных конфликтах за рубежом. До этого советская сторона заблаговременно заручалась поддержкой своих союзников из социалистического лагеря или действовала совместно с кем-то из них. На этот раз Москва единолично втягивалась в конфликт на стороне НДПА, против которой выступала вооружённая оппозиция, поддерживаемая извне.

В США смену власти в Афганистане восприняли с высокой тревожностью. В конце апреля 1978 г. помощник госсекретаря США Г. Саундерс квалифицировал Саурскую революцию как «явный просоветский переворот» (Слинкин 1999: 79). Данными о причастности СССР к этому событию Вашингтон не располагал⁷, однако очевидной заинтересованности Москвы в сохранении и укреплении

⁶ Soviet Options in Afghanistan. Intelligence Memorandum, 28 September 1979. *Central Intelligence Agency's Freedom of Information Act Electronic Reading Room* (CIA FOIA). [Электронный ресурс] URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000278533.pdf (accessed 05.09.2022).

⁷ McEachin D. Predicting the Soviet Invasion of Afghanistan: The Intelligence Community's Record. Washington. Center for the Study of Intelligence, Central Intelligence Agency, 2002. CIA FOIA. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/static/e8fa84316547f220a8432d3e1d9830af/Predicting-the-Soviet-Invasion-of-Afghanistan.pdf> (accessed 05.09.2022).

здесь своих позиций было решено противопоставить усиление пропагандистского давления на политику разрядки в сочетании с беспрецедентной атакой на легитимность советского режима. Проблема прав человека и поддержка советских диссидентов стали важными и весьма эффективными инструментами этой кампании (Vaughan 2009: 120).

Администрации Картера вряд ли следовало удивляться исключительному вниманию Кремля к обстановке в Афганистане. Как справедливо заметила известная исследовательница внешней политики США второй половины 1970-х гг. Б. Глэд, «начиная со Второй мировой войны СССР пытался вовлечь эту страну в сферу своего влияния, превратив её в образцовый проект советской помощи странам Третьего мира», но до лета 1978 г. данное обстоятельство у американских властей особых протестов не вызывало (Glad 2009: 198). Но на этот раз в Белом доме рассудили, что интересам США в наибольшей степени будет соответствовать эскалация конфликта для того, чтобы нанести СССР максимальный ущерб. Причём речь шла не только о военных и экономических потерях, просчитывались возможные варианты подрыва репутации СССР как борца за мир и падения авторитета Москвы среди коммунистических партий (Lowenstein 2016: 38, 41). Идеологические доводы и политические калькуляции дополнялись конкретными мерами, нацеленными на обострение конфликта и придание ему необратимого характера. 3 июля 1979 г., за полгода до ввода советских войск, Вашингтон начал поддерживать финансами и военными поставками афганские антиправительственные силы. Администрация Картера, несмотря на декларации о недопустимости тайных операций за рубежом, прибегла к ним, используя каналы ЦРУ⁸.

Вопреки более поздним высказываниям помощника президента по национальной безопасности Збигнева Бжезинского о том, что Белый дом намеренно «заманил» СССР в «афганский капкан» для того, чтобы устроить Советам «свой Вьетнам», руководство США в 1979 г. не имело какого-то продуманного плана. До конца декабря в Вашингтоне не ожидали советского вторжения. Согласно меморандуму директора ЦРУ Ст. Тёрнера, подготовленному для членов Совета национальной безопасности в середине января 1980 г., советская акция была не «первым, заранее спланированным шагом по претворению в жизнь "большого дизайна", из-за которого поднято столько шума, преследующего цель быстрого установления контроля над всей Юго-Западной Азией»; вторжение стало скорее всего «очень неохотно утверждённым ответом на то, что воспринимается Кремлём как неминуемое или даже необратимое посягательство на его позиции в стране, которая находится в законной советской сфере влияния» (Gates 1996:

⁸ Чернышков А.В. 2014. *Политика Соединённых Штатов Америки в Афганистане от Саурской революции до окончания первого президентского срока Б. Обамы*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.15 – «История международных отношений и внешней политики». Волгоград. С. 67.

147–148). Сам Бжезинский в конце 1979 г. также не испытывал воодушевления по поводу идеи «превращения Афганистана во Вьетнам для Советов», поскольку успех такой стратегии был неочевиден: «повстанцы были плохо организованы, не имели своих баз, не имели центрального правительства, а поддержка из-за границы была весьма ограниченной»⁹.

Иными словами, ситуация в Афганистане не представляла прямой угрозы национальным интересам США, она не нарушала глобальную расстановку сил в пользу системы социализма, но была крайне привлекательной для той части американского истеблишмента, которая полагала, что настало время для завершения эпохи разрядки.

В политической истории США 1977–1979 гг. были отмечены восхождением влияния «новой воинствующей элиты», главным рупором которой в администрации выступал Зб. Бжезинский (Cahn 1998: 187–188). Этот тренд не был единственным, но планирование внешнеполитической стратегии и принятие оперативных решений в сфере двусторонних американо-советских отношений неуклонно смещались в сторону его доминирования. Интересы афганцев, а также угроза роста влияния радикального ислама при этом игнорировались (Рабуш 2017: 80).

Обострение ситуации в Афганистане происходило быстро, и в неё вовлекались не только мировые, но и региональные державы. Интернационализация конфликта 1978–1979 гг. быстро масштабировалась. Многие «спонсоры» исламистских сил непосредственно граничили с этой страной, что значительно облегчало переброску военных грузов и добровольцев в зону конфликта. Возраставшая угроза безопасности Советского Союза на этом, как считалось, периферийном участке геополитического соприкосновения систем стала важным мотивом решения Кремля о вводе ограниченного контингента войск. Важным, но не единственным. Крупный американский эксперт в области международных отношений А. Шлезингер-мл. в начале января 1980 г. в своём дневнике оставил запись беседы с ветераном американо-советских отношений Авереллом Гарриманом, во время которой тот заметил, что США «сами ограничили возможности Брежнева по сдерживанию сторонников жёсткого курса в своём окружении, особенно попытками в марте 1977 г. пересмотреть условия ОСВ-2, которые не только привели к потере целого года, но и породили подозрения и недоверие». Гарриман также высказался в том смысле, что Москва вряд ли решилась бы на рискованную акцию в Афганистане, если бы в США своевременно дали понять, что сочтут такой поворот событий неприемлемым: «Мы в течение нескольких недель знали о том, что СССР планирует вторжение в Афганистан, но мы ничего не сделали для того, чтобы донести до его руководителей, насколько серьёзно

⁹ Memorandum, "Reflections on Soviet Intervention in Afghanistan," Brzezinski to the President, December 26, 1979. The Carter-Brezhnev Project. The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. Briefing Book. [Электронный ресурс] URL: http://www.nsarchive.gwu.edu/carterbrezhnev/fall_of_de'tente/doc.73.pdf (accessed 05.09.2022).

мы отнесёмся к такому шагу» (Schlesinger 2007: 486). Дополнительным аргументом в пользу решения о начале операции в Афганистане стала резолюция НАТО о размещении в Западной Европе ядерного вооружения – ракет «Першинг-2» и крылатых ракет, утверждённая 12 декабря 1979 г. (Зубок 2011: 380).

Мотивы советского руководства, принявшего решение о вторжении, изучены достаточно хорошо, с учётом как объективных (угрозы безопасности границ, соображения престижа в Третьем мире и МКД, образовавшийся в связи с двойным решением НАТО тупик в деле разрядки, желание сохранить контроль за геополитически важным регионом), так и субъективных (интеллектуальное, эмоциональное и физическое состояние Брежнева, поддавшегося на уговоры своих гражданских советников, болезненно отреагировавшего на действия афганского лидера Амина и не рассмотревшего вовремя всех возможных последствий реализации «Доктрины Брежнева» в стране с доминирующей исламской традицией).

Что касается политики США, то имеющиеся документальные свидетельства позволяют говорить о том, что в конце 1979 г. администрация Картера рассматривала ситуацию в Афганистане не как региональную проблему, а как средоточие американо-советского противостояния и подходящий повод для возобновления холодной войны. Региональные аспекты этой проблемы, включая общую ситуацию в зоне Персидского залива, обстановку в Иране, активизацию китайского фактора и индо-пакистанские противоречия, также просчитывались. Однако стержнем внешнеполитического планирования были не региональные обстоятельства, а идея достижения превосходства в системном конфликте Запада и Востока. В этом контексте наряду с соотношением военно-стратегических потенциалов всё более важную роль начинали играть такие характеристики, как монолитность военно-политических блоков, верность союзников, пропагандистские преимущества политических программ, адекватность идеологических установок и способность лидеров систем контролировать комплекс экономических, дипломатических, военных и идеологических ресурсов по всему периметру двустороннего противоборства. Позиция западноевропейских коммунистических партий в этой связи попадала в зону пристального внимания планировщиков внешнеполитической стратегии США.

Ввод ограниченного контингента советских войск: оценки и реакция в США

Во вторник, 8 января 1980 г. президент Картер принимал в Белом доме иностранных дипломатов и представителей крупных информационных агентств. Джордж Кеннан, оказавшийся в числе приглашённых, «был буквально “уничтожен” настроениями, пропитавшими Белый дом» и выплеснувшимися наружу, когда Картер знакомил собравшихся со своими оценками и намерениями в связи с вторжением СССР в Афганистан. Впечатлениями от этого мероприятия

он поделился с давним другом и единомышленником А. Шлезингером: «Все наперегонки стремятся охарактеризовать политические и дипломатические проблемы в военных терминах и настаивают на военном ответе. Я был участником советско-американских отношений в течение 52 лет, дольше, чем кто бы то ни было с любой стороны. Я испил свою чашу разочарований и горечи. Я знаю, что из себя представляют советские лидеры. Но никогда состояние наших отношений не производило на меня такого угнетающего впечатления» (Schlesinger 2007: 486). 13 января, запечатлев в своём дневнике разговор с другим ветераном дипломатической службы и сторонником разрядки – А. Гарриманом, который также присутствовал на брифинге в Белом доме, чувствовал то же самое, что и Кеннан, Шлезингер подытожил свои наблюдения одной фразой: «Все ястребы несли свой обычный вздор, а все голуби помалкивали». Эту запись Шлезингер завершил ироничной репликой: «Я забыл спросить, почему ни он сам, ни Джордж ничего не сказали?» (Schlesinger 2007: 486–487).

Вопрос Шлезингера был риторическим, сторонники разрядки в те дни оказались в явном меньшинстве и публичные высказывания, идущие вразрез с официальной позицией Белого дома, скорее всего остались бы без внимания, или же вызвали обратный эффект. Консерваторам удалось сформировать алармистский эмоциональный фон, пронизанный антисоветскими фобиями. Заметки Шлезингера, тем не менее, свидетельствуют о том, что в оценках событий в Афганистане, как и в отношении перспектив развития международной ситуации в целом, единства в Вашингтоне не было. Даже в самой администрации мнения разделились. Государственный секретарь Сайрус Вэнс позднее отмечал, что ответ США на афганский вызов Москвы был чрезмерным. По его мнению, Афганистан разрушил тонкий баланс между антисоветизмом внутри страны и попытками продолжить разрядку. «Чаша весов склонилась в пользу тех, – писал он, – кто приветствовал конфронтацию» (Vance 1983: 394; Graebner, Burns, Siracusa 2010: 435). Сам Вэнс не присоединился к «крестовому подходу» на Москву (LaFeber 1997: 298–299). Он считал, что СССР вторгся в Афганистан из-за того, что столкнулся с «опасной проблемой» на своей границе, и, кроме того, ему «почти нечего было терять в отношениях с США», поскольку к концу 1979 г. многие достижения в деле нормализации американо-советских отношений были практически сведены на нет (Vance 1983: 388–389).

Государственный секретарь оказался в меньшинстве. Большинство членов администрации не желало расставаться «с традиционными предрассудками холодной войны» (Leffler 2007: 262). Что до Картера, то у него не было чётких представлений относительно мотивов СССР. Директор ЦРУ С. Тёрнер высказывал предположение, что своим вторжением в Афганистан «Советы, несмотря на доктрину разрядки, испытывают пределы американской толерантности» (Gates 1996: 147–148). Это замечание приобретало особый смысл в связи с тем, что в 1980 г. в США проходили президентские выборы, и президенту требовались драматические жесты, убеждающие избирателей в том, что он готов в отноше-

ниях с Москвой проявить максимальную твёрдость, непреклонность и нетерпимость к её экспансионистским выходкам.

Согласно наблюдениям Добрынина, Картер поддался «антисоветской вакханалии» и был «одержим» афганской проблемой (Добрынин 1997: 460). А. Гарриман отмечал, что в тот момент президент был буквально «загипнотизирован своим говорливым помощником Збигневом Бжезинским» (Glad 2009: 214–216). Супруга президента Розалин также вспоминала, что с началом интервенции СССР президент полностью принял линию помощника по национальной безопасности (Carter 1984: 315). Так или иначе, глава Белого дома оказался в нетипичном для первого лица положении ведомого, и это обстоятельство существенно повлияло на курс Вашингтона.

Разногласия между государственным секретарём и советником президента по национальной безопасности ни для кого не были секретом¹⁰. В своих мемуарах Бжезинский утверждает, что ему удалось снизить влияние Вэнса на внешнюю политику, убедив президента передать ЦРУ в юрисдикцию Особого координационного комитета в рамках СНБ, возглавлявшегося им самим. Вследствие этого к нему перешёл контроль за тайными операциями ЦРУ, это развязывало ему руки и позволило действовать в обход государственного департамента (Brzezinski 1983: 36, 44; Гордиевский 2000: 237).

Изменение традиционных процедур принятия решений и неформальное перераспределение функций имело значительные последствия, поскольку советник президента изначально был полон решимости перевести американо-советские отношения в более «взаимообязывающий» регистр. Совсем немногие в тот момент понимали, что именно он имеет в виду. В более поздние годы Бжезинский пояснил, что его версия разрядки включала не только сдерживание СССР, но и конструирование сценария его кончины. Ключевой идеей этого сценария было использование национальной проблемы, – по его словам, «ахиллесовой пяты» Москвы, – для расшатывания советской государственности и развития в СССР центробежных процессов. С его подачи администрация развернула программу работы с национальными меньшинствами, которая преследовала цель распространения печатных материалов на территории советских республик, в первую очередь на Украине. Бжезинский также инициировал тайные операции, направленные на работу с советскими мусульманами, украинцами, прибалтами, а также на поддержку активистов движения в защиту прав человека (Vaughan 2009: 120–121). Афганская проблема хорошо вписывалась в такой сценарий.

В итоге оценка США действий СССР в Афганистане была сформулирована Бжезинским. Ввод ограниченного контингента советских войск был квалифицирован как неприкрытая агрессия и осуществление «давней мечты Москвы

¹⁰ Portolani R.D. 2013/14. *Stati Uniti e L'Eurocomunismo, 1976–1980*. Dottorato di Ricerca in Storia Politica, Economica e Sociale Dell'Europa in Eta Contemporanea. Universita Degli Studi Di Roma «Tor Vergata». P. 125–128.

иметь прямой выход к Индийскому океану»¹¹. Эта формулировка, будучи скорее умозрительной конструкцией, чем отражением действительных внешнеполитических планов Советского Союза, была воспринята президентом Дж. Картером, написавшим в своём дневнике, что «когда Советы вторглись в Афганистан, угрожая, в случае успеха, продвинуться дальше в богатый нефтью регион Персидского залива», он «почувствовал, что это прямая угроза безопасности» США (Carter 2010: 273). 23 января 1980 г. Картер заявил: «Любая попытка внешней силы установить контроль над регионом Персидского залива будет рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы Соединённых Штатов Америки, и такое посягательство будет отражено любыми необходимыми средствами, включая военную силу». Это заявление получило известность как «доктрина Картера». По резонному замечанию историка Ж. Вайсса, «на самом деле это была доктрина Бжезинского» (Väisse 2018: 311).

9 января 1980 г. Отдельный комитет Сената по разведке одобрил (на сей раз уже официально) военную помощь афганской вооружённой оппозиции. На следующий день руководство ЦРУ ознакомило узкий круг сенаторов с конкретными планами на этот счёт. Весной 1980 г. спецслужбы США вместе с британской разведкой приступили к созданию тренировочных баз для подготовки моджахедов (операция «Фарадей»), а в августе того же года администрация Картера объявила об ассигновании 19,5 млн долларов (дополнительно к выделенным ранее под предлогом «продовольственной помощи» 25 млн) на организацию вооружённой борьбы с официальной властью и советскими войсками¹².

В начале 1980-х гг. началась операция «Циклон», целью которой была помощь афганским антикоммунистическим силам через каналы пакистанской разведки. Финансирование операции постоянно увеличивалось: с 35 млн долларов в 1982 г. до 600 млн долларов в 1987 г.¹³ Соединённые Штаты предприняли также комплекс мер, направленных на то, чтобы заставить Советский Союз «изменить поведение»: отложили ратификацию договора ОСВ-2; прекратили экспорт зерна и высокотехнологичных товаров в СССР; свели к минимуму культурные обмены между странами, увеличили помощь Пакистану и моджахедам; бойкотировали Олимпийские игры в Москве; выдвинули проект резолюции Генеральной ассамблеи ООН с осуждением советской интервенции¹⁴.

¹¹ President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter. December 26, 1979. *FRUS*. 1977–1980. Vol. XII. P. 265.

¹² Рабуш Т.В. 2011. *Противостояние США и Советского Союза в Афганистане (1978–1985 гг.)*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.15 – «История международных отношений и внешней политики». Санкт-Петербург. С. 99.

¹³ Чернышков А.В. 2014. *Политика Соединённых Штатов Америки в Афганистане от Саурской революции до окончания первого президентского срока Б. Обамы*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.15 – «История международных отношений и внешней политики». Волгоград. С. 74.

¹⁴ From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter. December 26, 1979. *FRUS*. 1977–1980. Vol. XII. P. 265.

По оценкам ЦРУ, затраты Советского Союза на военную операцию в Афганистане в 1980 г. составляли приблизительно 2,7 млрд долл., что включало в себя расходы на выплату жалования примерно 115 тыс. советских военнослужащих, затраты на эксплуатацию и обслуживание оборудования и военных объектов¹⁵ (Turner 1985: 92). Как отмечал разведчик Ю.И. Дроздов, американские эксперты исходили из того, что «более глубокое втягивание [советской] армии в конфликт ляжет тяжёлым бременем на экономику..., не говоря уже о потерях в человеческих ресурсах...» (Дроздов 2016: 193).

Исключительно важное место в стратегических расчётах США занимали планы организации внешнеполитической изоляции Москвы, максимального ослабления её международной роли, понижения статуса СССР как лидера одной из противоборствующих в холодной войне систем, а в перспективе – разрушения самой мировой системы социализма. Право СССР на применение военной силы для защиты своих союзников в рамках мировой системы социализма («доктрина Брежнева») в Вашингтоне никогда не признавалось законным, к тому же в случае с Афганистаном эта конструкция не могла быть задействована¹⁶. В этой связи проблема отношения к еврокоммунизму и крупнейшим в составе этого движения партиям – итальянской (ИКП), испанской (КПИ) и французской (ФКП) – приобретала принципиальное значение. Занимая особые позиции по ряду фундаментальных вопросов теории и практики социализма, они в новых международных условиях могли своими оппозиционными СССР действиями внести лепту в достижение стратегических целей США. В то же время эти партии были частью коммунистического мира, несовместимого с ценностями Запада.

В вопросе об отношении к еврокоммунизму позиция администрации последовательностью не отличалась и несла на себе печать раздвоенности, отчасти вытекавшей из разногласий между Бжезинским и Вэнсом, которые в начале 1980 г. «достигли уровня крещендо» (Clifford, Holbrooke 1992: 640–641). С одной стороны, государственный секретарь, избегая термина «еврокоммунизм», говорил, что США рассматривают статус компартий в европейских странах как внутреннюю проблему народов и правительств этих стран, отмечал, что коммунисты Западной Европы ориентированы преимущественно на национальную проблематику и выступают в этом качестве равноправными участниками политической жизни своих государств (Graebner, Burns, Siracusa 2010: 414–415). Тем не менее, когда встал вопрос о вхождении Итальянской коммунистической партии в коалиционное правительство, администрация Картера отменила такую

¹⁵ Memorandum for the Record. Dollar cost of Soviet Military Operations in Afghanistan. 12 June 1980. 3 p. CIA FOIA. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP96R01136R003100080030-5.pdf> (accessed 05.09.2022).

¹⁶ Selva D.E. 2009. Transforming the Soviet Sphere of Influence? U.S. – Soviet Détente and Eastern Europe, 1969–1976. *Diplomatic History*. 33(4). P. 671–687.

возможность¹⁷. 12 января 1978 г. госдепартамент подтвердил, что США настроены категорически против участия коммунистических партий в правительствах государств Западной Европы (Brzezinski 1983: 312; Gardner 2005: 147, 153). Официальный Вашингтон, согласно С. Понса, в данном случае лишь повторил то, что и без того было известно, «администрация Картера не сделала никакой радикальной ревизии в этом вопросе». В то же время эта инструкция означала, что гипотетические рассуждения Вэнса о вхождении коммунистов в состав кабинета министров государства-члена НАТО, против чего ни сам Бжезинский, ни его сторонники в первые месяцы пребывания администрации у власти не возражали, на практике реализованы не будут (Pons 2010: 61).

В конце декабря 1978 г. советское посольство в Италии сообщало в Москву, что политика «исторического компромисса» себя исчерпала преимущественно не по внутренним, а по внешним причинам, поскольку за антикоммунистическими выпадами социалистов (ИСП) и антиправительственными позициями консервативного крыла Христианско-демократической партии (ХДП) и других правых сил «скрываются влиятельные внешние силы, стремящиеся любой ценой устранить ИКП из парламентского большинства, отбросить её в оппозицию». В беседе с послом Н.С. Рыжовым член руководства ИКП Дж. Амендола отмечал, что «все нити антикоммунистического плана сходятся в одном месте, у одного человека – советника американского президента Бжезинского». Поддержка некоммунистических партий правящей коалиции в Италии, в первую очередь ХДП и ИСП, стала постоянным элементом политики США в этой стране. «Немаловажную роль в сползании соцпартии вправо, – отмечалось в том же обзорном документе советского посольства, – сыграла международная ориентировка нового лидера ИСП (Б. Кракси – авт.), ... имеющего, по некоторым данным, отнюдь не платонические связи с американцами»¹⁸. Тактика поддержки консервативных, центристских и даже левых партий против коммунистов использовалась американской дипломатией и в других странах с сильным еврокоммунистическим движением.

С переходом афганского кризиса в острую фазу и в Белом доме, и в государственном департаменте тема еврокоммунизма с повестки политического анализа снята не была, хотя международный контекст на этот раз был иным. Теперь проблема заключалась не в том, чтобы «разрешить» или «запретить» коммунистам входить в состав правящих коалиций государств Западной Европы, а в том, чтобы эффективно использовать (или же не использовать) политический, идеологический и пропагандистский потенциал еврокоммунизма для междуна-

¹⁷ Portolani R.D. 2013/14. *Stati Uniti e L'Eurocomunismo, 1976–1980*. Dottorato di Ricerca in Storia Politica, Economica e Sociale Dell'Europa in Eta Contemporanea. Universita Degli Studi Di Roma "Tor Vergata". P. 126–130.

¹⁸ О позициях Итальянской коммунистической партии по основным внутриполитическим вопросам в преддверии XV съезда ИКП (Справка). 24 декабря 1978 г. *Российский государственный архив новейшей истории* (далее – РГАНИ). Ф. № 5. Оп. № 76. Д. № 1093. Л. 3, 6, 15.

родной изоляции СССР и ослабления мирового коммунистического движения. В этих калькуляциях учитывались позиции самих компартий.

События в Афганистане и еврокоммунизм

К 1970-м гг. МКД не было монолитным по своему составу: в результате конфликта с СССР Китай покинул его структуру ещё в начале 1960-х гг. В годы разрядки наметилась другая граница размежевания – между ортодоксальной линией советского руководства и еврокоммунизмом, основные участники которого¹⁹, отдавая предпочтение мирным парламентским методам прихода к власти в своих странах, выступали с критикой советской модели «реального социализма», высказывались в пользу ликвидации блоков НАТО и Организации Варшавского договора, а также призывали к новому многополярному миру, в котором страны Третьего мира стали бы полноправными участниками международного сообщества наряду с единой Европой, США, СССР и Китаем. Процесс автономизации ИКП, КПИ и ФКП в рамках мирового коммунистического движения и их дистанцирования от КПСС «пришпорили» Пражская весна 1968 г., но рост их популярности во многом был вызван разрядкой, сделавшей привлекательными многие пункты их политических программ (Leffler 2007: 240–241).

Вне рамок мировой системы социализма КПСС в конце 1970-х гг. поддерживала отношение приблизительно с восьмьюдесятью неправящими коммунистическими партиями. По данным ЦРУ, все они, включая самые крупные и независимые, нуждались в сохранении связей с СССР и входили в состав коммунистического движения. Эти партии «были привязаны» к Москве «идеологическим видением будущего», в котором «триумф “мира, свободы и социализма” будет обеспечен разрушением, или, по крайней мере заметным ослаблением западных демократических ценностей и институтов». И даже когда между ними во всём остальном оставалось много несогласованных позиций, этот образ будущего их объединял против Запада, «особенно против Соединённых Штатов»²⁰. Особая позиция еврокоммунистических партий и их активная международная роль побуждали руководство внешнеполитического ведомства и разведывательных органов США постоянно держать их в поле зрения. Доклад

¹⁹ В данной статье речь идёт о трёх наиболее многочисленных и активных партиях – ИКП, КПИ и ФКП. В то же время движение носило широкий характер, имело сторонников в рядах других коммунистических партий, в том числе и в Восточной Европе. Из 23 западноевропейских компартий, согласно классификации ЦРУ, большинство (16) придерживались просоветской ориентации, семь считались независимыми. Кроме ИКП (1 млн 716 тыс. членов) и КПИ (37 тыс. 700 членов), к «независимым» были отнесены компартии Бельгии (10 тыс.), Великобритании (18,5 тыс.), Нидерландов (13 тыс.), Сан-Марино (300) и Швеции (18 тыс.). Однако в теоретическом и организационном плане единства между ними не было, полноценным движением еврокоммунизм не стал. См.: The Soviet Union and Nonruling Communist Parties. A Research Paper. August 1982. v, 37 p. CIA FOIA. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP83T00853R000100070003-6.pdf> (accessed: 05.09.2022).

²⁰ The Soviet Union and Nonruling Communist Parties. A Research Paper. August 1982. v, 37 p. CIA FOIA. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP83T00853R000100070003-6.pdf> (accessed: 05.09.2022).

центральной разведки США, подготовленный в августе 1982 г., констатировал, что неправящие партии коммунистов бросают серьёзный вызов национальным интересам США.

Природа угрозы, исходившей от коммунистических партий, по мнению разведчиков, лежала в двух плоскостях. Во-первых, солидаризируясь с СССР и странами Организации Варшавского договора (ОВД), они противостояли американским оборонным инициативам и, следовательно, действовали в интересах Кремля. Во-вторых, – и этот пункт по сути определял направленность политического планирования Вашингтона в этом вопросе, – текущие разногласия западноевропейских компартий с Москвой проистекают не только из критики конкретных советских действий (таких как Афганистан), но также из заявлений о том, что их партии «имеют корни и основания, независимые от советских интересов»²¹. Иными словами, любые попытки еврокоммунистов интегрировать свои партийные структуры в политическую среду западных государств в Вашингтоне расценивались как подрыв устоев демократии.

Важную роль при конкретизации курса в отношении еврокоммунизма играла обеспокоенность администрации по поводу «эрозии экономической жизнеспособности» и внутривнутриполитической ситуации в государствах Западной Европы. Политическая неустойчивость правительств Италии, Франции, Испании, опиравшихся на минимальное правительственное большинство, усугублялась стагфляцией. Множественные примеры развития кооперации левых сил – социалистов и коммунистов – Бжезинский расценивал как «зловещее предзнаменование» и советовал Картеру сконцентрироваться на укреплении НАТО. Президент был восприимчив к этим предостережениям и осознавал, что международная система фрагментирована, а союзники США, особенно Западная Германия и Франция, набирали силу и часто не радовались американским решениям (Leffler 2007: 263–265, 281; Leffler 2010: 234). Президенту приходилось публично признаваться в том, что в отношениях с европейскими партнёрами у США «есть нюансы и разногласия», возникающие вследствие того, что у членов альянса «разные цели и разные формы государства»²². Европейские лидеры, в свою очередь, полагали, что «президент и его помощники преувеличивали советскую угрозу». Они с самого начала исходили из того, что СССР действовал в интересах защиты своих границ, а не для того, чтобы готовить экспансию в Персидский залив, и не торопились сворачивать диалог с Москвой и вставлять на путь санкций и свёртывания разрядки» (Graebner, Burns, Siracusa 2010: 436; Glad 2009: 202–204).

²¹ The Soviet Union and Nonruling Communist Parties. A Research Paper. August 1982. v, 37 p. CIA FOIA. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP83T00853R000100070003-6.pdf> (accessed: 05.09.2022).

²² Interview with the President Jimmy Carter. Question-and-Answer Session with Foreign Correspondents. *The American Presidency Project*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-the-president-question-and-answer-session-with-foreign-correspondents> (accessed 05.09.2022).

В довершение всего эксперты Белого дома отмечали, что при неизменности официальной приверженности разрядке, «тон советской пропаганды в отношении США стал острее, а усилия, направленные на культивирование отношений с Западной Европой, – всё интенсивнее». Вместе с тем СССР сдерживал контакты западноевропейских государств со странами Восточной Европы, чтобы предотвратить рост напряжённости внутри своего блока²³. Разрядка сблизила СССР с западными европейцами. Но интеграционные процессы, при которых Москва начинала играть в Европе всё более активную роль, а США, напротив, рисковали оказаться на периферии, Вашингтон не устраивали. Афганский кризис предоставил американскому руководству возможность изменить наметившуюся динамику в свою пользу.

На момент ввода войск в Афганистан отношения между КПСС, с одной стороны, и компартиями Италии и Испании, – с другой, были довольно натянутыми. Французская компартия к 1979 г. нормализовала отношения с КПСС после межпартийного конфликта 1975–1977 гг. Тактика США формировалась с учётом этих реалий.

Французская коммунистическая партия

Французская компартия сформулировала свою позицию по Афганистану 4 января 1980 г. на заседании Политбюро ЦК ФКП, которую выразил в своём выступлении член Политбюро Г. Плиссонье: «Мы не должны осуждать вторжение, но нам также не следует занимать позицию одобрения, которая может походить на согласие и, следовательно, находиться в противоречии с нашей позицией о невмешательстве в дела других стран и народов»²⁴. 9 января 1980 г. Секретариат ЦК ФКП заявил, что «события в Афганистане представляют собой тяжёлый удар для Соединённых Штатов. По сути, вся деятельность империалистических сил после ввода советских войск показывает, что планы империалистов провалились»²⁵.

21 и 22 января 1980 г. заведующий Международным отделом ЦК ФКП М. Гремек на пленуме ЦК огласил информацию о встрече делегаций ФКП и КПСС в Москве, где обсуждался афганский вопрос. Он сообщил, что в ходе беседы с Ж. Марше, генеральным секретарём ЦК ФКП, Л.И. Брежнев сам поднял вопрос об Афганистане и заявил, что «решение было нелёгким, но, в конечном

²³ Letter Shulman to Vance, February 15, 1980. *The Carter-Brezhnev Project. The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. Briefing Book*. [Электронная версия] URL: http://www.nsarchive.gwu.edu/carterbrezhnev/fall_of_de'tente/doc.80.pdf (accessed: 05.09.2022).

²⁴ Engesland Halsne E. 2011. *A question of loyalty. The French Communist Party, 1976–81 – How a party's quest for democracy and ideological independence could lead to its support of the Soviet invasion of Afghanistan*. Masteroppgave i historie. Oslo: Institutt for arkeologi, konservering og historie Universitetet i Oslo. P. 56.

²⁵ Ibid. P. 59.

счёте, нельзя было поступить иначе. Когда была запрошена военная помощь, то мы не могли продолжать отказываться»²⁶. Пленум подтвердил приверженность Французской компартии принципам суверенитета, свободного волеизъявления народов и невмешательства во внутренние дела стран. Также было заявлено, что партия поддержала борьбу афганского народа за прогрессивные изменения и согласилась с решением СССР помочь дружественному народу в борьбе с вмешательством империалистических сил и «экспортом контрреволюции»²⁷. Тем самым руководство ФКП заняло просоветскую позицию. Французская социалистическая партия (ФСП), партнёр ФКП по Союзу левых сил, ещё 2 января 1980 г. высказала однозначную позицию осуждения советского вмешательства по аналогии с осуждением вмешательства США в страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки или вмешательства Франции в дела стран Африки²⁸. Заявление ФКП о поддержке СССР в связи с вводом войск вызвало острую дискуссию во Франции.

Решение избранного в 1981 г. президента Ф. Миттерана о допуске четырёх коммунистов в правительство Франции (из сорока четырёх министров в совокупности) было принято в результате компромисса между социалистами и коммунистами. ФКП пришлось согласиться на несколько жёстких условий. Одно из них касалось ситуации в Афганистане. 24 июня 1981 г. генеральный секретарь ЦК ФКП Ж. Марше объявил, что советские войска должны быть выведены из этой страны. Далее он заявил, что в выводе войск заинтересовано как афганское правительство, так и сам Советский Союз, а также ФСП и ФКП²⁹. В итоге коммунисты вошли в состав правительства социалиста П. Моруа. С этого момента ФКП стала выступать исключительно за политическое урегулирование ситуации в Афганистане и поддержала требование вывода советских войск при условии прекращения вмешательства в дела этой страны со стороны западных стран³⁰, а также признания права афганского народа на самоопределение (Whetten 1982: 108). Баланс взаимных обязательств в рамках этого компромисса во многом был предопределён давлением Вашингтона, с 1978 г. использовавшего французский политический контекст для продвижения так называемого «двухвекторного подхода», построенного на комбинации «невмешательства» и «небезразличия» к внутривнутриполитическим процессам, развивавшимся в государствах НАТО. В 1980–1981 гг. «небезразличие» трактовалось инвариантно, как «бремя», возложенное на коммунистические партии, обязанные доказывать, что они «привержены западным идеалам и институтам»³¹.

²⁶ Ibid. P. 61.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. P. 63.

²⁹ Ibid. P. 85.

³⁰ Французская коммунистическая партия (справка). РГАНИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 197. Л. 59.

³¹ Portolani R.D. 2013/14. *Stati Uniti e l'Eurocomunismo, 1976–1980*. Dottorato di Ricerca in Storia Politica, Economica e Sociale Dell'Europa in Eta Contemporanea. Universita Degli Studi Di Roma "Tor Vergata". P. 131, 224.

Аналитические материалы, поступавшие в распоряжение СНБ, указывают на то, что в Вашингтоне позицию, занятую ФКП в 1979–1980 гг., характеризовали как «просоветскую» и считали, что выбранный курс нанёс ей существенный урон, поскольку рабочая часть электората оказалась деморализованной, и «партия потеряла большую часть привлекательности для интеллектуалов и творческих людей». При этом её способность организовать массовую поддержку политики СССР в стране оказалась ограниченной³². Ретроспективно снижение влияния компартии в политической и общественной жизни страны оценивалось как «соответствующее долговременным интересам США, коль скоро оно сопровождается всё более очевидной изоляцией одной из главных партий Франции, которая в принципе не поддерживает демократические принципы и не вносит никакого вклада в коллективную оборону Запада»³³.

Коммунистическая партия Испании

По свидетельству посла США в Испании Т. Тодмана, в первые дни советской операции в Афганистане лидеры компартии Испании старались не комментировать ситуацию, не делали никаких официальных заявлений, а партийная газета *Mundo obrero* ограничилась освещением событий без оценок происходящего³⁴. В течение января–февраля 1980 г. была сформулирована позиция испанских коммунистов по отношению к вторжению в Афганистан, в разработку которой внесли вклад генеральный секретарь партии С. Каррильо и заведующий международным отделом ЦК КПИ М. Аскарате. Они констатировали четыре причины решения советского руководства начать интервенцию: влияние военных на политику Кремля, желание ответить на размещение «евроракет», заинтересованность в контроле над нефтедобывающим районом Персидского залива и ошибочная оценка возможностей Запада. Итогом данного анализа стало требование вывода советских войск. Аскарате и Каррильо отмечали, что главным последствием советской акции стало возвращение «лидирующих позиций» американского империализма, потерянных ранее. Советские действия, по их мнению, повернули вспять тенденции разрядки и продвижения социализма в Западной Европе (Whetten 1982: 125, 128).

Члены партийного руководства в дальнейшем выдвигали новые и неоднократно повторяли уже высказанные ранее положения, которые раздражали Старую площадь. Тезис о недопустимости навязывания сверхдержавой своей

³² The Soviet Union and Nonruling Communist Parties. A Research Paper. August 1982. v, 37 p. CIA FOIA. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP83T00853R000100070003-6.pdf> (accessed: 05.09.2022).

³³ France: The Decline of the Communist Party. An Intelligence Assessment. November 1984. CIA FOIA. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85S00316R000300080009-2.pdf> (accessed: 05.09.2022).

³⁴ Reaction to Events in Afghanistan. November 16, 1979. From Spain, Madrid to Department of State; Russia, Moscow. Wikileaks. [Электронная версия] URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1979MADRID18487_e.html (accessed 05.09.2022).

воли соседнему государству со ссылкой на социалистические идеалы и интернациональную помощь часто звучал в выступлениях М. Аскарате (Whetten 1982: 126). Лидеры Компартии Испании акцентировали, что нельзя говорить о спасении социализма в Афганистане, поскольку там отсутствует социалистический режим (Whetten 1982: 127). Аскарате в феврале 1980 г. говорил о том, что СССР понёс катастрофические политические потери, оттолкнув от себя неприсоединившиеся государства и сыграв на руку администрации Картера, ведущей подготовку к президентским выборам. Он также отмечал, что ввод советских войск в Афганистан дискредитировал идею социализма и внёс раскол в движение еврокоммунизма, поскольку это событие разделило западноевропейский сегмент МКД на два лагеря: противников и сторонников, среди которых оказалась ФКП (Whetten 1982: 126).

Согласно позиции руководства Компартии Испании, Кремль продемонстрировал пренебрежение национальными интересами других коммунистических партий; ни с правящими, ни с неправящими компартиями КПСС не консультировалась и не информировала их о своих намерениях. Пренебрежение к интересам и обязанностям братских стран указывало на то, что Москва по-прежнему считала себя бесспорным центром МКД. Но неприятие или дезавуирование её действий со стороны ряда компартий Западной Европы показало обратное. Главный аргумент Каррильо–Аскарате заключался в том, что советская операция в Афганистане обратила вспять тенденции разрядки, мирного сосуществования и продвижения социализма на Западе. Они принимали исходный советский аргумент о том, что США были ответственны за ухудшение отношений между сверхдержавами в 1978–1979 гг., но также полагали, что вторжение и «монголизация» Афганистана оказали гораздо более глубокое и длительное влияние на характер противостояния конкурирующих блоков. События в Афганистане, по их мнению, ускорили возврат к конфронтации между Востоком и Западом, привели к политическому недоверию и взаимной дискриминации, возобновлению гонки вооружений, борьбе за передел сфер влияния сверхдержав, росту напряжённости и отвлечению избирателей от непосредственных шагов по продвижению социализма. В заключении делался вывод о том, что Кремль серьёзно ошибся в оценке своего военного превосходства и силы афганского сопротивления, вследствие чего неправящим компартиям Западной Европы пришлось иметь дело с всплеском антисоветских настроений, сдвигом вправо на национальных выборах и растущим восприятием советского руководства как некомпетентного (Whetten 1982: 128).

Американские спецслужбы констатировали, что в «случае сохранения лидерства Сантьяго Каррильо Испанская коммунистическая партия скорее всего не будет способствовать достижению целей Москвы»³⁵. Оговорка насчёт воз-

35 Reaction to Events in Afghanistan. November 16, 1979. From Spain, Madrid to Department of State; Russia, Moscow. Wikileaks. [Электронный ресурс] URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1979MADRID18487_e.html (accessed 05.09.2022).

можной утраты действующим генеральным секретарём контроля над партией указывала на то, что для американских наблюдателей не была секретом острая внутрипартийная борьба между сторонниками Каррильо и марксистско-ленинским крылом (Игнасио Гальего), ориентированным на поддержку Москвы. Распри в руководстве КПИ, увенчавшиеся заявлением Каррильо о разрыве отношений с Москвой и расколом партии в 1982 г., в Вашингтоне расценили как «хорошую новость для всей европейской системы безопасности». События в Афганистане при этом рассматривались как один из главных катализаторов «долгой агонии Компартии Испании», начавшейся в 1979 г.³⁶ Акцент на европейской системе безопасности, обычный для аналитических материалов разведки, применительно к Испании имел особенный смысл: в начале 1980-х гг. велись интенсивные переговоры по вхождению страны в НАТО, которое формально состоялось в мае 1982 г. Важной предпосылкой для данного акта атлантической интеграции, над которым неумоимо работала администрация Картера³⁷, стал приход к власти в Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), получившей поддержку США и заявившей об ошибочности прежней «антинатовской» позиции. В новых исторических условиях еврокоммунистический сегмент КПИ, утратив связи с Москвой и лишившись надежд на получение доступа к власти парламентским путём, всё более маргинализировался.

Итальянская коммунистическая партия

ИКП вынесла обсуждение афганской проблемы на межпартийный уровень. В феврале 1979 г. члены руководства партии А. Рубби и П. Буфалини решили прояснить позицию непосредственно на Старой площади во время встречи с заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС В.В. Загладиным и сотрудником отдела Ю.И. Зуевым. Буфалини заявил, что в Афганистане идёт ожесточённая борьба между различными фракциями внутри партии. На этом фоне растущий приток помощи из Москвы создаёт впечатление слабости афганского режима, поэтому вряд ли можно говорить о каких-либо его шагах в сторону социализма. После бурной реакции Зуева более дипломатичный Загладин пояснил, что обстановка в Афганистане трудная, но контролируемая; власть в стране опирается на народную поддержку. Советский Союз оказывает помощь государству, которое ввиду отсталости не имеет опыта проведения реформ (Рубби 1995: 166). Буфалини предостерёг руководство КПСС и СССР от возможного вмешательства в дела Афганистана, пояснив, что применение силы нанесёт непоправимый ущерб международной обстановке.

³⁶ Spain: Communism in Crisis. An Intelligence Assessment. August 1985. IV, 9 p. *CIA FOIA*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP86S00588R000300270002-6.pdf> (accessed 05.09.2022).

³⁷ Meeting with Prime Minister Adolfo Suarez of Spain. White House Statement. January 14, 1980. *The American Presidency Project*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/meeting-with-prime-minister-adolfo-suarez-spain-white-house-statement> (accessed 05.09.2022).

В начале июня 1979 г. в Италии проходили парламентские выборы, на которых коммунисты потеряли около 4% голосов. В советском посольстве в Италии главные причины неудачи ИКП связывали с ошибочным выбором стратегической линии «исторического компромисса», конкретизированной на данном этапе «в форме участия коммунистов в парламентском большинстве, в которое входили также христианские демократы, социалисты, республиканцы и социал-демократы», вследствие чего партия «оказалась “посредине брода”»: вышла из оппозиции, но не вошла в правительство»³⁸. Политическое влияние коммунистов также существенно снижалось вследствие острых внутренних разногласий, одним из результатов которых стал вывод на июльском Пленуме из состава Секретариата ЦК ветеранов партии П. Буфалини и Дж. Пайетты. Хотя генеральному секретарю Э. Берлингуэру на том этапе удалось удержать бразды правления в своих руках, его курс на «социал-демократизацию» ИКП советские дипломаты расценивали как бесперспективный и дезориентирующий рядовых членов. Первый секретарь посольства СССР в Италии Л. Попов отмечал: «Против коммунистов под лозунгом “не допустить ИКП в правительство” боролись, по существу, все партии. При этом американцы через закрытые и открытые каналы вели борьбу против ИКП, финансировали мелкие партии, в том числе псевдолеевую партию радикалов, с тем чтобы “рассеять” левые голоса, отобрать их как можно больше у коммунистов»³⁹.

На XV съезде ИКП (30 марта – 3 апреля 1979 г.), несмотря на весьма обширную международную повестку, афганская проблема не затрагивалась. Советские наблюдатели в целом позитивно оценили содержащиеся в докладе Берлингуэра теоретические уточнения по вопросам «исторического компромисса», «демократического единства» и «третьего пути» построения социализма, свидетельствовавшие, по их мнению, о том, что руководство партии прислушалось к «дружеской критике», прозвучавшей со стороны КПСС накануне съезда⁴⁰. Международная часть доклада генерального секретаря ИКП оценивалась как «уравновешенная» и «свободная от крайностей», особо было отмечено, что и в докладе, и в заключительном слове Берлингуэр подчёркивал, что «Итальянская компартия ни в коем случае не пойдёт на поводу у тех, кто желал бы разрыва ИКП со страной Октября»⁴¹. Хотя съезд показал наличие в ИКП центробежных тенденций, советское посольство в Риме сообщало в МИД СССР, что работа с руководством партии «может давать положительные результаты» и рекомендовало, «учитывая пристальное внимание, с которым рядовые коммунисты следят за отношениями между ИКП и КПСС, и сохранение в “базе” ИКП чувства

³⁸ О некоторых проблемах положения в ИКП после парламентских выборов в Италии 3–4 июня 1979 года. *РГАНИ*. Ф. 5. Оп. 76. Д. 1093. Л. 98.

³⁹ *Ibid.* Лл. 102–103.

⁴⁰ Об итогах работы XV съезда Итальянской коммунистической партии (30 марта – 3 апреля 1979 года). *РГАНИ*. Ф. 5. Оп. 76. Д. 1093. Лл. 84–86.

⁴¹ *Ibid.* Л. 89.

глубокой, спонтанной симпатии к Советскому Союзу следует, очевидно, предусмотреть шаги по расширению контактов с итальянскими коммунистами»⁴². По оценкам посольства, съезд подтвердил репутацию Берлингуэра как «сбалансированного политика», имеющего собственное видение происходящего и способного сдерживать крайности⁴³.

Отчёты, поступавшие по дипломатической линии из Рима в Москву, были выдержаны в позитивном ключе и в целом ориентировали на сближение позиций с ИКП и развитие с ней конструктивного диалога. Позиция международного отдела ЦК КПСС и руководителей СССР была сдержаннее. В августе 1979 г. секретарь ИКП Э. Берлингуэр проводил отпуск в Крыму. Он осознавал, что гонка вооружений в Европе и соперничество между двумя сверхдержавами на периферии холодной войны могут поставить мир перед перспективой нового витка напряжённости, и большие опасения связывал с Афганистаном. Лидеру итальянских коммунистов были известны подробности межфракционной борьбы в НДПА и применения в ходе реформ насилия в отношении гражданского населения, из-за чего тысячи афганцев перебрались в Иран и Пакистан и вступали в группы сопротивления, руководимые главным образом вождями родовых кланов. Ситуацию в Афганистане он оценивал как состояние гражданской войны (Рубби 1995: 167).

На встрече с заведующим международным отделом ЦК КПСС Б.Н. Пономарёвым Э. Берлингуэр заявил, что события в апреле 1978 г. в Афганистане являются не революцией (как считали в СССР), а переворотом, а последовавшие затем реформы оказались провальными. «Если реформы действительно имели успех, то непонятно, для чего надо было прибегать к репрессиям и почему люди спасаются бегством». Лидер итальянских коммунистов считал, что без поддержки масс не может быть национально-освободительного движения и добавил, что его беспокоит растущее военное присутствие СССР в Афганистане. На его вопрос «А если оно будет недостаточным, что вы предпримите?» Пономарёв отреагировал эмоционально, восприняв его чуть ли не как оскорбление Советского Союза, оказывающего интернациональную помощь Афганистану. Берлингуэр же считал, что переход к полномасштабному военному вмешательству станет катастрофой, последствия которой окажутся губительными как для разрядки, так и для международного рабочего движения. Обмен мнениями так и не привёл стороны к взаимопониманию (Рубби 1995: 168).

Был шанс найти точки соприкосновения ИКП и КПСС во время встречи Берлингуэра и Брежнева в Кремле 5 сентября того же года⁴⁴ (Брежнев т. 1: 968,

⁴² Ibid. Лл. 93–94.

⁴³ О позициях Итальянской компартии по некоторым теоретическим и международным вопросам накануне XV съезда ИКП, 15 марта 1979 г. *РГАНИ*. Ф. 5. Оп. 76. Д. 1093. Л. 60.

⁴⁴ В воспоминаниях А. Рубби эта встреча ошибочно датирована 6 сентября. Запись секретаря приёмной Л.И. Брежнева, а также рабочие записи Генерального секретаря ЦК КПСС свидетельствуют о том, что эта встреча проходила с 11:00 до 13:10 5 сентября.

988; Брежнев т. 2: 945), однако этого не произошло. Беседа, в которой принял участие секретарь ЦК КПСС М.А. Суслов, носила преимущественно протокольный характер. Брежнев к тому моменту уже был не в лучшей физической форме и «не мог поддерживать серьёзную дискуссию» (Рубби 1995: 168). Помимо обычного для подобных встреч обмена дежурными заготовками об укреплении братской солидарности в борьбе за мир, развитии мирного сотрудничества в Европе и «дополнении разрядки политической разрядкой военной» затрагивались некоторые дискуссионные вопросы двусторонней повестки. Берлингуэру пришлось выслушать упрёки по поводу критических выпадов в адрес СССР со стороны итальянских «товарищей» и заверить советского лидера в том, что в целом «в партии преобладает дружественное отношение к КПСС», несмотря на то, что в ней «есть люди, которые доводят до крайностей существующие разногласия, размашисто судят о Советском Союзе». Афганская проблема затрагивалась вскользь, и предметный разговор на эту тему итальянский лидер, по всей видимости, решил отложить до более удобного случая, тем более что этот разговор носил неофициальный характер⁴⁵. В ближайшие месяцы такой случай не представился.

После ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан руководство ИКП не сразу высказало официальную позицию, хотя отдельные высокопоставленные функционеры выступили с осуждением советских действий. Например, 30 декабря 1979 г. на антивоенном митинге в Болонье Буфалини заявил, что военное вмешательство представляет собой недопустимое нарушение Советским Союзом принципов государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела – «принципов, которые итальянские коммунисты всегда отстаивали в отношении всех стран...»⁴⁶. Он считал, что кризис в Афганистане значительно ухудшил международную обстановку и спровоцировал виток напряжённости, грозящий новой гонкой вооружений.

Вместе с тем лидеры итальянских коммунистов требовали скорейшего одобрения Соединёнными Штатами договора ОСВ-2 (договор не был ратифицирован из-за ввода советских войск в Афганистан), отмены решения о развёртывании американских ракет средней дальности в Западной Европе, проведения переговоров между НАТО и ОВД о прекращении гонки вооружений и продолжения процесса сокращения ядерных вооружений⁴⁷. Для ИКП важно было сохранить достигнутые ранее успехи разрядки. Возникший кризис предлагалось

⁴⁵ Запись беседы Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева с Генеральным секретарём ЦК ИКП Э. Берлингуэром. Кремль, 5 сентября 1979 г. *РГАНИ*. Ф. 80. Оп. 1. Д. 646. Лл. 14–31.

⁴⁶ Più pace, meno armi rispetto dei diritti. Corteo popolare a Bologna — Ribadito da Bufalini il giudizio del PCI sugli ultimi avvenimenti in Afghanistan. *L'Unita*. 30 Dicembre 1979. №301. P. 18.

⁴⁷ Carter duro con l'URSS per l'intervento a Kabul Protesta anche dell'Iran — A Mosca silenzio; sulle critiche — Ribadito da Bufalini il netto giudizio del PCI. *L'Unita*. 30 Dicembre 1979. № 301. P. 1.

разрешить мирными средствами, путём переговоров, которые бы способствовали снятию напряжённости в отношениях между блоками⁴⁸.

В Вашингтоне позицию ИКП квалифицировали как «недостаточно чёткую». Посол Р. Гарднер в одном из своих сообщений в Госдепартамент заметил, что по вопросу об Афганистане стремящаяся войти в правительство Итальянская компартия «ищет некую золотую середину», желая сохранить отношения с Москвой и избежать «изоляции» в Италии⁴⁹. Он предположил, что оказываемое на ИКП с разных сторон давление с требованием сделать принципиальный выбор может привести к тому, что ИКП перейдёт от общих заявлений к «действительной независимости от Советского Союза в вопросах, касающихся защиты национальной безопасности Италии»⁵⁰.

4 января 1980 г. руководство ИКП обнародовало свою позицию: 1) осуждение ввода советских войск в Афганистан; 2) военное вмешательство СССР рассматривалось как нарушение национальной независимости и суверенитета Афганистана безотносительно причин, которые приводил Советский Союз; 3) партии и всем прогрессивным силам мира предлагалось защищать разрядку, отвергнув логику противостояния блоков и проведение политики с позиции силы (Рубби 1995: 170–171).

ИКП заявила, что СССР (как и США) не вправе обосновывать военную интервенцию в другую страну ни идеологическими лозунгами, ни соображениями обороноспособности. Подчёркивая угрозу безопасности Европы, вызванную свёртыванием разрядки, ИКП продолжала видеть главную опасность в возобновлении гонки вооружений между СССР и США, а не в потенциальной советской военной угрозе Западной Европе (Whetten 1982: 59–60). Для разрешения конфликта ИКП предполагала: 1) вывести советские войска; 2) начать переговоры между конфликтующими сторонами; 3) восстановить статус Афганистана как независимого и неприсоединившегося государства (Рубби 1995: 175).

На обострение международной обстановки в связи с началом советской операции в Афганистане коммунистические партии Италии, Франции и Испании отреагировали по-разному. На их оценки влияли обстоятельства внутриполитической жизни, настрой избирателей, идеологические установки, международные амбиции. Для лидеров этих партий выступление в такой критический момент истории против СССР было исключительно трудным и ответственным решением, чреватым далеко идущими последствиями и для самих этих партий, и для МКД в целом. В Москве болезненно воспринимали подобную критику в свой адрес. 23 декабря 1981 г., выступая с отчётным докладом ЦК КПСС перед

⁴⁸ Più pace, meno armi rispetto dei diritti. Corteo popolare a Bologna — Ribadito da Bufalini il giudizio del PCI sugli ultimi avvenimenti in Afghanistan. *L'Unita*. 30 Dicembre 1979. №301. P. 18.

⁴⁹ Italian Views on Afghanistan. 1979. December 30. From Italy, Rome to Department of State. *Wikileaks*. [Электронный ресурс] URL: https://search.wikileaks.org/plusd/cables/1979ROME35770_e.html (accessed 05.09.2022)

⁵⁰ Ibid.

делегатами XXVI съезда партии, Л.И. Брежнев говорил о том, что КПСС поддерживает «хорошие, добрые отношения с огромным большинством коммунистических партий – с французской, португальской, германской, греческой, финской, датской, австрийской и другими компартиями Европы» (Брежнев 1981: 651). Итальянская и испанская компартии в этот перечень не вошли.

Дипломатия и разведка США: дилеммы 1979–1985 гг.

Аналитики американской разведки, исследовавшие первоначальную реакцию ведущих коммунистических партий Западной Европы, пришли к заключению, что действия СССР вряд ли приведут к столь же «травмирующему расколу» в МКД, который случился после ввода войск СССР и стран ОВД в Чехословакию в 1968 г.⁵¹ В то же время неоднозначные отклики функционеров и рядовых членов ИКП, ФКП и КПИ указывали на наличие двух направлений – просоветского, куда была отнесена французская компартия, и «критического». Партии «критического выбора», представленные ИКП и КПИ, имели свои особенности: испанские коммунисты приглушили критику СССР и акцентировали внимание на милитаристских приготовлениях США и НАТО, а итальянские, откровеннее нападая на советский курс, пытались объяснить его «в терминах всеобщей глобальной напряжённости, включая проблему гонки вооружений»⁵². Такая линия поведения лидеров ИКП, по мнению разведчиков, свидетельствовала о нежелании компартии рвать связи с Москвой по фундаментальным вопросам внешней политики. В ЦРУ обращали внимание на разногласия между партиями, отверженными еврокоммунизму. Их разобщённость считалась важным преимуществом дипломатии США, всё более ориентировавшуюся на консервативную консолидацию Запада.

Американские дипломаты фиксировали отсутствие последовательности и внутри самих еврокомпартий. Согласно воспоминаниям посла США в Италии Р. Гарднера, позиция ИКП в конце 1979 – начале 1980 гг. была уклончивой и двусмысленной. С одной стороны, во внесённой членами ИКП в Европарламент резолюции принципиально осуждалась «советская интервенция в Афганистан», но одновременно в том же документе содержался призыв не допустить «репрессивных мер» против СССР и отказа от политики мира и разрядки (Gardner 2005: 256). Примеры непоследовательности Гарднер наблюдал и в последующие недели.

13 января 1980 г. в газете ИКП L'Unita была опубликована статья о встрече Э. Берлингуэра с рабочими завода Alfa Sud, где тот сказал, что «Советский Союз

⁵¹ The Invasion of Afghanistan: Implication for Soviet Foreign Policy. An Intelligence Assessment. 11 January 1980. PA 80-10020. 6 p. CIA FOIA. [Электронный ресурс] URL: <https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2015-071-doc18.pdf> (accessed 05.09.2022).

⁵² Ibid.

жизненно заинтересован в мире, в отличие от Соединённых Штатов» (Gardner 2005: 256), однако на следующий день газета опубликовала уточняющую заметку, в которой говорилось, что лидер итальянских коммунистов не делал контрастных обобщений, а всего лишь отметил серьёзную опасность для мира, которая может возникнуть в результате обострения напряжённости между СССР и США. Затрагивая политику перевооружения, Берлингуэр подчеркнул, что «в США существуют группы, заинтересованные в гонке вооружений, чего нельзя сказать о Советском Союзе»⁵³.

16 января 1980 г. в своей речи в Европарламенте Э. Берлингуэр заявил, что западноевропейские страны должны выступить с позитивной инициативой, способствующей продолжению диалога между сверхдержавами. Итальянский политик указывал, что ИКП не выступает против НАТО, но будет противостоять любым попыткам ухудшения международных отношений, направляя свои усилия на снижение напряжённости и сотрудничество. Европа, по его мнению, должна стать одним из центров преодоления экономического и социального дисбаланса между Севером и Югом, который мог достичь взрывоопасного состояния в случае продолжения роста напряжённости в отношениях СССР и США. Берлингуэр предложил европейским странам противодействовать гонке вооружений, попыткам навязать неоколониальные отношения странам Третьего мира и содействовать установлению равноправия и взаимовыгодного сотрудничества с ними (Morosini 1980: 76).

В тот же день, когда лидер итальянских коммунистов выступал в Европарламенте, КПСС отреагировала на позицию ИКП по афганской проблеме решением о прекращении прямого финансирования партии (Pons 2006: 172). Контрнаступление КПСС не ограничилось одной мерой. Со Старой площади в ЦК ИКП было направлено конфиденциальное «доверительное письмо», повторяющее тезис об «интернациональной помощи» Москвы правительству в Кабуле, которому угрожают «контрреволюционные действия», инспирированные США и Китаем. Руководству ИКП был высказан упрёк в недооценке «угрозы миру», исходившей от американского империализма. В ЦК КПСС считали, что занятая ИКП позиция наносила серьёзный вред «борьбе сил мира и прогресса», но выражали надежду на то, что партийное руководство скорректирует свой курс (не утверждая прямо, но подразумевая, что рядовые члены ИКП симпатизируют линии КПСС⁵⁴). На встрече с членом руководства ИКП П. Инграо Б.Н. Пономарёв и В.В. Загладин уличили Итальянскую компартию в поддержке «американской точки зрения» (Pons 2006: 172). В начале 1980-х гг. в ЦК КПСС утвердились

⁵³ Berlinguer gli Stati Uniti e la pace. *L'Unita*. 14 Gennaio 1980. №12. P. 2.

⁵⁴ Основанием для подобных выводов были, очевидно, отчёты советского посольства в Италии, в которых акцентировалось сохранение среди рядовых членов компартии «чувств глубокой симпатии» к КПСС и СССР. См., например: О позициях Итальянской компартии по некоторым теоретическим и международным вопросам накануне XV съезда ИКП. *РГАНИ*. Ф. 83. Оп. 1. Д. 196. Л. 46.

в том, что особая позиция ИКП касательно Афганистана не только систематически подыгрывала империалистической пропаганде, но и «объективно “работала” – по ряду существенных моментов – на курс США и НАТО»⁵⁵.

Согласно выводу С. Понса, в основе международной политики ИКП после ввода советских войск в Афганистан лежала «антиимпериалистическая линия, направленная против политики силы» (Pons 2006: 175). Итальянские коммунисты активно устанавливали отношения за пределами советского блока – с государствами и организациями неподотчётными (Югославия, Организация освобождения Палестины, Сандинистский Фронт национального освобождения в Никарагуа), чуждыми (западноевропейские социал-демократические и социалистические партии) и даже враждебными СССР (Китай). Заметное место в списке внешних контактов ИКП занимали национально-освободительные движения стран Третьего мира и участники Движения неприсоединения.

Хотя ИКП вслед за США осудила ввод советских войск в Афганистан, её позиция в целом оставалась независимой. Берлингуэр и его последователи считали, что ответственность за свёртывание разрядки лежит и на СССР, и на США, тогда как Европейское экономическое сообщество и Движение неприсоединения могли бы стать важными участниками преодоления кризиса. Европу и неприсоединившиеся страны руководство ИКП видело потенциальными субъектами будущего многополюсного мира – наряду с СССР, США и Китаем. Несмотря на скрытые в таком подходе противоречия, его в целом приветствовали и в американском посольстве в Италии, и в госдепартаменте. Во время одной из конфиденциальных встреч Гарднер попросил члена руководства ИКП Дж. Наполитано передать Берлингуэру, что, хотя США «были удовлетворены критикой ИКП советского вторжения в Афганистан», администрацию огорчает, что партия противодействует её усилиям «по сплочению альянса в поддержку практических политических и экономических мер, направленных на то, чтобы заставить русских ... заплатить за свои действия». Затем посол высказался ещё откровеннее: «Вы не должны ожидать, что мы изменим свою позицию по отношению к вам, пока вы не измените свою позицию по отношению к нам» (Gardner 2005: 257). Иными словами, желая создать иллюзию «открытой двери», он дал понять, что Соединённые Штаты будут всеми силами препятствовать вхождению коммунистов в правительство Италии до тех пор, пока ИКП чётко и однозначно не поддержит мероприятия США по укреплению НАТО, одновременно продолжая обличать «советскую интервенцию в Афганистане».

Амбивалентная позиция ИКП демонстрировала болезненные симптомы кризиса в МКД, коль скоро одна из крупнейших и влиятельных компартий Западной Европы осудила политику СССР в Афганистане, солидаризировавшись

⁵⁵ О позициях Итальянской компартии по некоторым теоретическим и международным вопросам накануне XV съезда ИКП. *РГАНИ*. Ф. 83. Оп. 1. Д. 196. Л. 77.

тем самым с США и их союзниками. Посольство США одобрительно реагировало на заявления членов руководства ИКП с осуждением ввода советских войск в Афганистан. Госдепартамент явно стремился воспользоваться разногласиями между КПСС и ИКП и поощрял действия, направленные на дистанцирование коммунистов Италии от КПСС. Никаких ощутимых последствий описанная выше беседа не возымела.

Действия американских дипломатов на итальянском треке были типичными и воспроизводились в Испании и Франции с поправками на особенности внутривосточной жизни в этих странах.

Мотивы политики США в отношении еврокоммунизма в период обострения афганского кризиса и её итоги раскрывают материалы ЦРУ, подготовленные в середине 1980-х гг. К тому моменту международная обстановка существенно изменилась: в Соединённых Штатах начинался второй срок администрации Р. Рейгана; в Советском Союзе 11 марта 1985 г. на пост Генерального секретаря ЦК КПСС был избран М.С. Горбачёв. Ощущалось приближение перемен. Советские войска оставались на территории Афганистана и было ясно, что скорого победоносного завершения этой кампании не предвидится. Еврокоммунизм, как явление в политической жизни Европы, продолжал существовать, хотя его позиции были значительно ослаблены. Для республиканской администрации, приступающей к редактированию своей европейской политики, была подготовлена серия докладов с ретроспективным анализом положения дел в коммунистическом мире, акцентированном на процессах в ИКП, КПИ и ФКП. Доклады имели не только историческую ценность – и Белый дом, и госдепартамент волновал вопрос о реальном состоянии МКД, потенциале ведущих европейских партий и способности нового советского лидера вернуть ускользавшую от КПСС роль лидера движения.

Появление еврокоммунизма и его электоральные достижения аналитики разведки связывали с разрядкой международной напряжённости, а его упадок – со свёртыванием разрядки и вторжением СССР в Афганистан. Указывая на деградацию движения, они отмечали «смешанное воздействие» данного обстоятельства на интересы США. Несомненным плюсом считался тот факт, что «эта концепция не смогла указать её адептам путь из политического гетто», вследствие чего «партии, наиболее критично настроенные в отношении США, стали наименее влиятельными». В то же время отмечалось, что критика СССР еврокоммунистами, «вызывавшая наибольшее доверие среди западноевропейских левых, по сравнению с любыми заявлениями, исходившими от американских или западноевропейских правительств, сейчас звучит приглушённо и весит совсем немного»⁵⁶.

⁵⁶ Western Europe: The Decline of Eurocommunism. An Intelligence Assessment. October 1985. CIA FOIA. [Электронный ресурс] URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0001144824.pdf (accessed 05.09.2022).

На рубеже 1970–1980-х гг. Советский Союз по праву воспринимался как единственная страна, «способная противодействовать использованию США своей военной мощи в отдалённых регионах мира»⁵⁷. Вследствие этого ситуация в Афганистане рассматривалась в Вашингтоне в контексте глобальных процессов, и действия, направленные на изоляцию еврокомпартий и их вытеснения в «политическое гетто», были той частью внешнеполитической стратегии команды Картера, которую почти без изменений продолжила администрация Рейгана. Этот курс в целом оказался эффективным. Слагаемых успеха было несколько:

- политические просчёты самих еврокоммунистических партий, «переоценивших свои электоральные претензии и недооценивших подозрения избирателей относительно их демократического потенциала»⁵⁸. В результате многие избиратели, в 1970-е гг. симпатизировавшие СССР, после начала афганских событий отошли от компартий;

- перегруппировка политических сил в Италии, Испании и Франции, усугублённая переменами в руководстве компартий и персональными качествами их лидеров. «Берлингуэр умер (июнь 1984 г. – авт.), Каррильо утратил власть, Марше воспринимается как некомпетентный лицемер. Тем временем их социалистические оппоненты – Беттино Кракси, Франсуа Миттеран и Фелиппе Гонсалес – наоборот, показали себя искушёнными политиками, преуспевшими в привлечении на свою сторону избирателей и профсоюзов», отмечалось в одном из обзоров ЦРУ⁵⁹;

- парадоксальным образом и в советском руководстве, и в администрациях Картера и Рейгана на определённом этапе возобладало, хотя и по разным причинам, негативное отношение к еврокоммунизму. В секретариате ЦК КПСС сочли неприемлемыми отрицание некоторых основополагающих постулатов марксизма-ленинизма и установку на «третий путь» развития, через демократизацию капитализма. Для американских лидеров решающее значение имела принципиальная установка еврокомпартий на продвижение к социализму, а также их последовательная «антинаатовская» пропаганда. «Ни Вашингтон, ни Москва не желали становиться свидетелями того, как усиливающийся национализм приведёт к панъевропейской независимости», – отмечал Р. Гартхов (Garthoff 1985: 543–544). Следует добавить, что ни та, ни другая сторона в возобновлявшейся холодной войне для воплощения в жизнь собственного сценария европейской интеграции в еврокоммунизме не нуждалась.

⁵⁷ The US-Soviet Competition for Influence in the Third World: How the LDCs Play It. National Intelligence Council Memorandum. April 1982. *CIA FOIA* [Электронный ресурс] URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000273391.pdf (accessed 05.09.2022).

⁵⁸ Western Europe: The Decline of Eurocommunism. An Intelligence Assessment. October 1985. *CIA FOIA* [Электронный ресурс] URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0001144824.pdf (accessed 05.09.2022).

⁵⁹ Ibid.

В эпоху новой поляризации сил у итальянских, испанских и французских коммунистов почти не оставалось места для политического маневрирования, что привело к падению их популярности, утрате влияния среди значительной части электората и снижению численности самих партий.

* * *

Ввод советского ограниченного контингента в Афганистан практически сразу превратился в ожесточённую схватку на периферии Холодной войны, стал её высшей точкой. Одним из главных мотивов при принятии решения о вводе войск было стремление Кремля подтвердить и упрочить свою роль лидера системы социализма и всего коммунистического мира, никогда не бросающего в беде нуждающиеся в помощи братские партии. Но эффект этого решения оказался диаметрально противоположен желаемому.

С первых же дней после начала операции Москва заявляла, что подразделения советских войск находятся в Афганистане временно и будут выведены по согласованию с афганским руководством незамедлительно после того, как прекратятся агрессивные действия извне и будут обеспечены гарантии их невозобновления⁶⁰. В интервью газете «Правда» 13 января 1980 г. Л. И. Брежнев отверг обвинения в агрессии и заявил, что, принимая решение о помощи, СССР руководствовался интересами народа Афганистана и желанием устранить угрозу собственной безопасности, исходившую от «внешних сил», «экспортирующих контрреволюцию»⁶¹. Тем не менее, 14 января 1980 г. Генеральная ассамблея ООН выразила «сожаление по поводу советского военного вмешательства» и призвала к немедленному, безусловному и полному выводу войск из страны. За соответствующую резолюцию проголосовали 114 стран, 18 – против и 30 – воздержались.

События в Афганистане углубили раскол среди социалистических государств и в МКД. СССР утрачивал ореол лидера в деле борьбы за мир, заметно снизился его престиж в Третьем мире. В странах Запада электорат также стал группироваться по-новому, коммунистические партии и иные политические силы, ориентированные на СССР, быстро и во многих случаях безвозвратно теряли влияние.

Особенно разрушительные последствия имел конфликт КПСС с одной из крупнейших и наиболее влиятельных коммунистических партий Запада – итальянской. От этой расщелины стали быстро отходить новые трещины и сколы, мировое коммунистическое движение окончательно утрачивало цельность. Компартия Испании осудила действия Кремля. ФКП, изначально поддержавшая

⁶⁰ К выступлению перед работниками совпосольства в Париже. *РГАНИ*. Ф. 83. Оп. 1. Д. 195. Лл. 102–103.

⁶¹ Ответы Л.И. Брежнева на вопросы корреспондента газеты «Правда». *Правда*. 13 января 1980. № 13 (22443). С. 1.

СССР, после вхождения в состав правительства Франции в 1981 г. также заняла уклончивую позицию. Позиция еврокоммунистов, отказавшихся поддержать КПСС и солидаризировавшихся с США и НАТО, стала очевидным симптомом упадка МКД и, одновременно, знаменем перемен.

Стержнем европейского вектора внешней политики Бжезинского–Картера в 1978–1981 гг. было ослабление СССР и сплочение НАТО. Применительно к афганскому кризису такой курс означал, что чем «выше градус» эскалации, тем проще консолидировать союзников. Открыто использовать ресурсы еврокоммунистов против Кремля с этой точки зрения было не логично, поскольку, независимо от расстановки идеологических и политических доминант, компартии не имели разногласий относительно целесообразности продолжения разрядки и скорейшего урегулирования афганского конфликта. Но Вашингтон не стремился к урегулированию. Наименее желательным сценарием развития афганской ситуации для политики Картера–Бжезинского считалось быстрое примирение сторон с минимальными потерями для СССР. Кроме того, интегрирование компартий в национальные политические системы, их участие в правящих коалициях и тем более вхождение в состав правительств для администрации Картера было неприемлемо в принципе. С приходом в Белый дом Р. Рейгана, построившего свою избирательную кампанию на антикоммунизме и антисоветизме, правоконсервативный крен усилился.

Об авторах:

Валерий Теодорович Юнгблюд – доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36. E-mail: yungblud@vyatsu.ru

Максим Владимирович Бакшаев – младший научный сотрудник кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36. E-mail: randvmax@gmail.com

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-78-10179, <https://rscf.ru/project/22-78-10179/>

UDC: 327, 94, 329.15
Received: May 15, 2022
Accepted: August 27, 2022

«We Will Not Change Our Attitude towards You until You Change Your Attitude towards Us». How Washington Considered the Reaction of Western European Communist Parties to the Events In Afghanistan, 1978–1985

V.T. Yungblud, M.V. Bakshaev
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-4-85-7-42](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-7-42)

Vyatka State University

Abstract: The invasion of a limited contingent of Soviet troops into Afghanistan at the end of 1979 caused a mixed reaction among the Communist parties in Europe. Some of them subject the actions of the USSR leadership to sharp criticism. The article reveals to what extent the US administration was aware of the critical attacks against the USSR and the CPSU by the most powerful Western European Communist parties to determine how the factor of Eurocommunism influenced the Afghan vector of the US policy in 1979–1982 and how the American course turned out for the Communist parties themselves. The study is based on published documents (including electronic collections) of the Administration of the President of the United States J. Carter, the State Department, and the Central Intelligence Agency of the United States, as well as unpublished documents of the Central Committee of the CPSU from the funds of the Russian State Archive of Modern History, press materials and memoirs. It is concluded that 1) the invasion of Soviet military units into Afghanistan provoked a fierce battle of superpowers on the periphery of the Cold War, and in fact, became its peak; 2) one of the results of the Soviet operation was a deeper split in the world communist movement with its subsequent decline; 3) the United States sought to take advantage of the escalated disagreements between the Communist Party of the Soviet Union and the largest communist parties in Western Europe (especially Italian, to a lesser extent Spanish and French) and encouraged the actions of the European Communists aimed at distancing themselves from the CPSU and severing relations with the USSR. At the same time, Washington avoided public statements and actions that could look like a manifestation of solidarity with the Communist parties of Western Europe (primarily with the ICP), including the relation to the USSR policy in Afghanistan, giving priority to the policy to exclude completely the possibility for communists to participate in the governments of NATO states. Such a policy, against the background of the ongoing war in Afghanistan and the decline in the USSR's international prestige, contributed to the isolation of the European communist parties in their countries and the weakening of their electoral opportunities.

Keywords: American-Soviet relations, the war in Afghanistan, internationalization of local conflicts, the periphery of the Cold War, Eurocommunism, Brezhnev, Brzezinski, Berlinguer, Carrillo, Marchais, Carter

About the authors:

Valery T. Yungblud – Doctor of History, Professor, President of Vyatka State University. Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia. E-mail: youngblood@vyatsu.ru

Maxim V. Bakshaev – Junior Researcher, Department of History and Political Science, Vyatka State University. Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia. E-mail: randvmax@gmail.com.

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No 22-78-10179, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10179/>

References:

- Brzezinski Z. 1983. *Power and Principle. Memoirs of the National Security Adviser, 1977-1981*. New York: Farrar, Straus, Giroux. 588 p.
- Cahn A.H. 1998. *Killing Détente: The Right Attacks the CIA*. College Station: The Pennsylvania State University Press. 232 p.
- Carter J. 2010. *White House Diary*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 570 p.
- Carter R. 1984. *First Lady from Plains*. Boston, Houghton Mifflin. 370 p.
- Clarke R. 2004. *Against All Enemies: Inside America's War on Terror*. New York: Free Press. 352 p.
- Clifford C., Holbrooke R. 1992. *Counsel to the President. A Memoir*. New York: Random House. 709 p.
- Gardner R.N. 2005. *Mission: Italy. On the Front Lines of the Cold War*. Foreword by Zbigniew Brzezinski. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. 348 p.
- Garthoff R.L. 1985. *Détente and Confrontation: American-Soviet Relations from Nixon to Reagan*. Washington: The Brookings Institution. 1147 p.
- Gates R.V. 1996. From the Shadows. *The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War*. New York: Simon & Schuster. 604 p.
- Gelman H. 1984. *The Brezhnev Politburo and the Decline of Détente*. Ithaca: Cornell University Press. 268 p.
- Gibbs D.N. 2006. Reassessing Soviet Motives for Invading Afghanistan: A Declassified History. *Critical Asian Studies*. 38(2). P. 239-263.
- Glad B. 2009. *An Outsider in the White House: Jimmy Carter, his Advisors, and the making of American foreign policy*. Ithaca: Cornell University Press. 398 p.
- Graebner N.A., Burns R.D., Siracusa J.M. 2010. *America and the Cold War 1941–1991: A Realist Interpretation*. In 2 Vols. Vol. 2. Santa Barbara, California: Praeger. 683 p.
- Haslam J. 2011. *Russia's Cold War. From the October Revolution to the Fall of the Wall*. New Haven: Yale University Press. 544 p.
- LaFeber W. 1997. *America, Russia, and the Cold War 1945–1996*. New York: McGraw-Hill. 386 p.
- Leffler M. 2007. *For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War*. New York: Hill and Wang. 608 p.
- Leffler M. 2017. *Safeguarding Democratic Capitalism. U.S. Foreign Policy and National Security*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 348 p.

- Morosini G. 1980. The European Left and the Third World. *Contemporary Marxism*. №2. P. 67–80.
- Pons S. 2010. The Rise and Fall of Eurocommunism. *The Cambridge history of the Cold War*. Vol. 3: Endings. Ed. by M.P. Leffler and O.A. Westad. Cambridge University Press. P. 45–65.
- Selvae D.E. 2009. Transforming the Soviet Sphere of Influence? U.S. – Soviet Détente and Eastern Europe, 1969 – 1976. *Diplomatic History*. 33(4). P. 671 – 687.
- Schlesinger A.M. 2007. *Journals 1952–2000*. Ed. by Andrew Schlesinger and Stephen Schlesinger. New York: The Penguin Press. 892 p.
- Turner S. 1985. *Secrecy and Democracy. The CIA in Transition*. Boston: Houghton Mifflin Company. 306 p.
- Vaisse J. 2018. *Zbigniew Brzezinski: America's Grand Strategist*. Translated by C. Porter. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press. 506 p.
- Vance S. 1983. *Hard Choices. Critical Years in America's Foreign Policy*. New York: Simon & Schuster. 541 p.
- Vaughan P. 2009. Zbigniew Brzezinski and Afghanistan. *The Policy Makers. Shaping American Foreign Policy from 1947 to the Present*. Ed. by Kasten Nelson. New York: Rowman & Littlefield Publishers. 192 p.
- Whetten L. 1982. *New International Communism. The Foreign and Defense Policies of the Latin European Communist Parties*. Lexington, Massachusetts: Lexington Books. 263 p.
- Arunova M.R. 2000. *Afganskaya politika SSHA v 1945-1999 gg.* [U.S. Policy in Afghanistan, 1945-1999] Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. 127 p. (In Russian).
- Brezhnev L.I. 2016. Rabochie i dnevnikovye zapisi. V 3-h tomah. Tom 1. *Leonid Brezhnev. Rabochie i dnevnikovye zapisi. 1964 – 1982 gg.* [Working and Diary Notes. In 3 volumes. Volume 1. Leonid Brezhnev. Working and Diary Notes. 1964–1982]. Moscow: Istoricheskaya literatura. 1264 p. (In Russian).
- Brezhnev L.I. 2016. Rabochie i dnevnikovye zapisi. V 3-h tomah. Tom 2. *Zapisi sekretarej Priemnoj L.I. Brezhneva. 1965 – 1982 gg.* [Working and Diary Notes. In 3 volumes. Volume 2. Notes of the Secretaries of the Reception Room of Leonid Brezhnev. 1965–1982]. Moscow: Istoricheskaya literatura. 1232 p. (In Russian).
- Brezhnev L.I. 1981. *Leninskim kursom. Rechi, privetstviya, stat'i*. Tom 8. [Lenin's Course. Speeches, Greetings, Articles. Volume 8]. Moscow: Politizdat. 800 p. (In Russian).
- Vorob'eva T.A., Yungblyud V.T. 2016. Afganistan v politike SSSR i SSHA v 1979 g. [Afghanistan in Soviet and U.S. Politics in 1979]. *Voprosy istorii*. № 10. P. 106-125. (In Russian).
- Gordievskij O. 2000. *Tajny sovetskoj diplomatii*. [Secrets of Soviet Diplomacy]. Moscow: VAGRIUS. 335 p. (In Russian).
- Dobrynin A.F. 1997. *Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentah SSHA (1962 – 1986 gg.)* [Purely in Confidence. Ambassador to Washington under six U.S. presidents (1962-1986)]. Moscow: Avtor. 688 p. (In Russian).
- Drozov Y.I. 2016. *Vymysel isklyuchen. Zapiski nachal'nika nelegal'noj razvedki*. I i II ch. [Fiction excluded. Notes of the Head of the Illegal Intelligence Service. I and II part.]. Moscow: Izdatel'stvo OOO «Artstil'-poligrafiya». 608 p. (In Russian).
- Zubok V.M. 2011. *Neudavshayasya imperiya: Sovetskij Soyuz v holodnoj vojne ot Stalina do Gorbacheva*. [Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN); Fond «Prezidentskij centr B. N. El'cina». 671 p. (In Russian).

Korgun V.G. 2004. *Istoriya Afganistana. XX vek*. [History of Afghanistan. 20th Century]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN: Kraft+. 528 p. (In Russian).

Krajl Dzh. 2008. *Vojna Charli Uilsona*. [Charlie Wilson's War]. Moscow: Sovershenno Sekretno. 448 s. (In Russian).

Rabush T.V. 2017. Okazanie administraciej SSHA nepryamoj voennoj podderzhki afganskim modzhahedam v 1980-e gg. [The U.S. Administration's Indirect Military Support of the Afghan Mujahedin in the 1980s]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: istoriya, regionovedenie, mezhdunarodnye otnosheniya*. 22(1). P. 77-87. (In Russian).

Rubbi A. 1995. *Mir Berlinguera. Predislovie M.S. Gorbacheva*. [Berlinguer's World. Foreword by M.S. Gorbachev]. Moscow: «Mezhdunarodnye otnosheniya». 350 p. (In Russian).

Slinkin M.F. 1999. *Narodno-demokraticeskaya partiya Afganistana u vlasti. Vremya Taraki-Amina (1978–1979 gg.)* [The People's Democratic Party of Afghanistan in power. The Time of Taraki-Amin (1978–1979)]. Simferopol': Simferopol'skij gosudarstvennyj universitet. 359 p. (In Russian).

Spol'nikov V.N. 1990. *Afganistan. Islamskaya oppoziciya: Istoki i celi*. [Afghanistan. Islamic Opposition: Origins and Goals]. Moscow: «Nauka». 191 p. (In Russian).

Khristoforov V.S. 2016. *Afganistan: voenno-politicheskoe prisutstvie SSSR 1979-1989 gg.* [Afghanistan: The Military and Political Presence of the USSR 1979-1989]. Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN. 544 p. (In Russian).

Список литературы на итальянском языке:

Pons S. 2006. *Berlinguer e la fine del comunismo*. Turin: Giulio Einaudi Editore. xxiv+265 p. (In Italian).

Portolani R.D. 2013/14 *Stati Uniti e L'Eurocomunismo, 1976-1980*. Dottorato di Ricerca in Storia Politica, Economica e Sociale Dell'Europa in Eta Contemporanea. Universita Degli Studi Di Roma "Tor Vergata". 411 p. (In Italian).

Список литературы на русском языке:

Арунова М.Р. 2000. *Афганская политика США в 1945-1999 гг.* Москва: Институт востоковедения РАН. 127 с.

Брежнев Л.И. 2016. Рабочие и дневниковые записи. В 3-х томах. Том 1. *Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1964–1982 гг.* Москва: Историческая литература. 1264 с.

Брежнев Л.И. 2016. Рабочие и дневниковые записи. В 3-х томах. Том 2. *Записи секретарей Приемной Л.И. Брежнева. 1965–1982 гг.* Москва: Историческая литература. 1232 с.

Брежнев Л.И. 1981. *Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи*. Том 8. Москва, Политиздат. 800 с.

Воробьева Т.А., Юнгблюд В.Т. 2016. Афганистан в политике СССР и США в 1979 г. *Вопросы истории*. №10. С. 106-125.

Гордиевский О. 2000. *Тайны советской дипломатии*. Москва: ВАГРИУС. 335 с.

Добрынин А.Ф. 1997. *Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.)*. Москва: Автор. 688 с.

Дроздов Ю.И. 2016. *Вымысел исключен. Записки начальника нелегальной разведки. I и II ч.* Москва: Издательство ООО «Артстиль-полиграфия». 608 с.

Зубок В.М. 2011. *Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачёва*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». 671 с.

Коргун В.Г. 2004. *История Афганистана. XX век*. Москва: Институт востоковедения РАН: Крафт+. 528 р.

Крайл Дж. 2008. *Война Чарли Уилсона*. Москва: Совершенно Секретно. 448 с.

Рабуш Т.В. 2017. Оказание администрацией США не прямой военной поддержки афганским моджахедам в 1980-е гг. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: история, регионоведение, международные отношения*. Том 22(1). С. 77-87.

Рубби А. 1995. *Мир Берлингуэра. Предисловие М.С. Горбачёва*. Москва: «Международные отношения». 350 с.

Слинкин М.Ф. 1999. *Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978–1979 гг.)*. Симферополь: Симферопольский государственный университет. 359 с.

Спольников В.Н. 1990. *Афганистан. Исламская оппозиция: Истоки и цели*. Москва: «Наука». 191 с.

Христофоров В.С. 2016. *Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг.* Москва: Институт российской истории РАН. 544 с.